

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ КАЗАХСТАНСКИХ ЖЕНЩИН В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ И ПОЛИТИКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Абдирова А., Бадамбай Н.

студенты кафедры политологии и социологии,

Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.

Букетова, Казахстан

e-mail: aminaabdirova8@mail.ru, badambay07@mail.ru

Научный руководитель: ст. преподаватель Резвушкина Т. А.

Вопрос представленности женщин в политике и государственном управлении в последние десятилетия становится одним из ключевых индикаторов уровня демократизации, социальной справедливости и устойчивого развития современных государств. Гендерное равенство рассматривается не только как нормативный принцип, закрепленный в международных документах, но и как фактор повышения качества государственного управления и эффективности политических решений.

На глобальном уровне участие женщин в политике демонстрирует устойчивую, но медленную динамику роста. По данным международных организаций, к середине 2020-х годов женщины занимают около 27% мест в национальных парламентах мира [1, с. 12]. Несмотря на значительное увеличение по сравнению с концом XX века, данный показатель остается существенно ниже паритетного уровня. Это свидетельствует о структурных барьерах, сохраняющихся в политических системах большинства стран.

Региональные различия остаются значительными. В странах Северной Европы доля женщин в парламентах достигает 40–47%, что связано с активным внедрением гендерных квот и политик равенства [2, с. 34]. В странах Латинской Америки этот показатель составляет около 34%, тогда как в странах Ближнего Востока и Северной Африки он не превышает 17% [1, с. 15]. Особый интерес представляет опыт Руанды, где благодаря институциональным реформам женщины занимают более 60% парламентских мест [3, с. 56].

Международный опыт показывает, что рост представленности женщин в политике не является спонтанным процессом, а требует целенаправленной государственной политики, включающей квоты, реформу избирательных систем и поддержку женского лидерства.

Присутствие женщин в политике имеет не только символическое, но и практическое значение. Исследования показывают, что женщины-политики чаще инициируют законодательные инициативы в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты и гендерного равенства [4, с. 78]. Это приводит к расширению политической повестки и более комплексному учету интересов различных социальных групп.

Кроме того, гендерное разнообразие в органах власти способствует повышению качества решений. Наличие различных точек зрения снижает риск эффекта группового мышления и способствует более глубокому анализу проблем. Также важным является эффект ролевых моделей, когда присутствие женщин в политике способствует повышению политической активности других женщин и снижению гендерных стереотипов.

В контексте Казахстана вопрос представленности женщин в политике приобретает особую актуальность. После обретения независимости в 1991 году наша страна унаследовала формально декларируемое равенство полов, однако реальное участие женщин в принятии политических решений оставалось ограниченным.

В 1990-е годы участие женщин в политике было минимальным. Это объясняется рядом факторов: экономическим кризисом, приоритетом институционального политического строительства, а также отсутствием целенаправленной гендерной политики. Женщины были представлены преимущественно в социальной сфере, но не в органах власти.

С начала 2000-х годов ситуация начала постепенно меняться. Были приняты государственные программы гендерного равенства, создана Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, началось развитие женских НПО. Однако рост представленности женщин носил умеренный характер и не приводил к структурным изменениям.

Ключевым этапом стало введение квот в партийных списках, предусматривающих не менее 30% представителей женщин, молодежи и других категорий [5, с. 41]. Однако практика показала, что

наличие квот не гарантирует реального участия женщин в парламенте, поскольку они часто размещаются в непроходных частях списков политических партий.

По состоянию на 2024–2026 годы доля женщин в парламенте Казахстана составляет около 19–20% [6, с. 22]. Это ниже среднемирового уровня и значительно ниже показателей стран, активно внедряющих гендерные реформы. На местном уровне власти, в маслихатах доля женщин составляет около 22–23%, что также свидетельствует о недостаточной представленности [7, с. 19].

При этом в государственной службе наблюдается противоположная картина. Женщины составляют более 55% государственных служащих и около 39% руководящих позиций [8, с. 27]. Это указывает на наличие так называемой «вертикальной сегрегации», когда женщины представлены в системе, но не занимают ключевые позиции принятия решений.

В исполнительной власти представленность женщин остается низкой: количество женщин-министров ограничено, а участие в высших органах власти носит эпизодический характер. В международных рейтингах Казахстан занимает 120-е место по представленности женщин в парламенте [9, с. 63].

Для более глубокого понимания особенностей представленности женщин в политике Казахстана необходимо рассмотреть ситуацию в сравнительной перспективе с другими странами Центральной Азии - Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Несмотря на общее советское прошлое и схожие институциональные предпосылки, траектории гендерного участия в политике в этих странах существенно различаются.

В целом для стран Центральной Азии характерны такие общие черты как формальное закрепление принципа гендерного равенства на уровне законодательства, относительно высокий уровень образования женщин, высокая представленность женщин в социальной сфере (образование, здравоохранение, культура), низкая представленность женщин на высших уровнях политической власти. Эти особенности отражают противоречие между формальным равенством и фактическим доступом к власти. Во всех странах региона наблюдается явление «гендерной сегрегации», при которой женщины концентрируются в менее престижных и менее влиятельных сферах.

Если рассмотреть ситуацию в Кыргызстане, то Кыргызстан демонстрирует наиболее высокий уровень представленности женщин в политике среди стран Центральной Азии. Это во многом связано с введением гендерных квот в избирательной системе. Так, по состоянию на 2024–2025 годы доля женщин в парламенте составляет около 28–30% [10, с. 18]. Квоты предусматривают обязательное включение женщин в партийные списки с чередованием позиций. Важной особенностью Кыргызстана является более развитая политическая конкуренция и активное гражданское общество, что создает дополнительные возможности для участия женщин в политике. Однако и здесь сохраняются такие проблемы как низкая представленность женщин в исполнительной власти, ограниченный доступ к ключевым политическим ресурсам, давление традиционных норм и гендерных ролей.

Узбекистан в последние годы демонстрирует устойчивый рост участия женщин в политике, во многом благодаря государственным реформам и активной гендерной политике. По данным последних лет доля женщин в парламенте составляет около 32–34% [11, с. 25], внедрены квоты и программы поддержки женщин-кандидатов. Этот показатель делает Узбекистан одним из лидеров региона. Важно отметить, что рост представленности сопровождается усилением роли женщин в законодательной деятельности. Тем не менее, как и в других странах региона, сохраняется дисбаланс между представительством в парламенте и реальным участием в принятии ключевых решений.

В Таджикистане уровень участия женщин в политике остается относительно низким. Так, около 20–22% женщин в парламенте [12, с. 31], ограниченное присутствие в исполнительной власти. В качестве основных барьеров для таджикских женщин выступают такие факторы как традиционные гендерные нормы, слабая институциональная поддержка, ограниченный доступ к ресурсам. Но несмотря на это, наблюдаются постепенные изменения, связанные с международными программами и внутренними реформами.

Туркменистан демонстрирует специфическую модель, в которой формальное представительство женщин относительно высоко. Так, около 25% женщин представлены в парламенте [13, с. 44]. Однако этот показатель не всегда отражает реальное участие женщин в политике, поскольку политическая система характеризуется низким уровнем конкуренции и ограниченной автономией институтов. В данном случае можно говорить о «номинальной представленности», когда количественные показатели не сопровождаются реальным влиянием на принятие решений.

На фоне стран Центральной Азии Казахстан занимает промежуточное положение. Казахстан ниже Узбекистана и Кыргызстана по уровню парламентского представительства, поэтому сопоставим с Таджикистаном. Но при этом выше некоторых стран по уровню участия женщин в государственной службе. Ключевая особенность Казахстана заключается в следующем противоречии – это высокая представленность женщин в государственной службе и низкая представленность в политике и на уровне принятия решений.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько моделей политического участия женщин в Центрально-Азиатском регионе: 1. Институциональная модель в Узбекистане, которая обеспечивает рост за счет реформ и квот; 2. Конкурентная модель в Кыргызстане, где рост происходит за счет политической конкуренции и гражданского общества; 3. Формально-репрезентативная модель в Туркменистане, где существует представительство женщин без реального влияния; 4. Смешанная модель в Казахстане, которая характеризуется сильной бюрократической представленностью, но слабым политическим влиянием.

Региональное сравнение показывает, что Казахстан не является лидером по представленности женщин в политике, несмотря на более высокий уровень экономического развития и институциональной стабильности. Это позволяет сделать несколько важных выводов: экономическое развитие не гарантирует гендерного равенства в политике, ключевую роль играют институциональные механизмы (квоты, реформы), политическая культура и социальные нормы остаются значимым барьером. Формальные показатели не всегда отражают реальное влияние женщин.

Сегодня для Казахстана актуальна задача перехода от количественного присутствия женщин в системе к их качественному включению в процессы принятия решений. Основные барьеры участия женщин в политике включают институциональные, культурные и социальные факторы. К институциональным относятся формальный характер квот и отсутствие механизмов их реализации. Культурные факторы связаны с устойчивыми стереотипами о «мужской» природе политики. Социальные факторы включают двойную нагрузку женщин, совмещающих профессиональную деятельность и семейные обязанности.

Несмотря на это, в Казахстане наблюдаются и позитивные изменения. Растет участие женщин в судебной системе, бизнесе, образовании и гражданском секторе. Развиваются программы поддержки женского лидерства и гендерной политики.

Однако если текущая динамика сохранится, вероятен сценарий стагнации. Доля женщин в политике останется на уровне 20-25%, что приведет к сохранению гендерного дисбаланса. Это может негативно сказаться на качестве управления, поскольку однородность элит ограничивает спектр принимаемых решений.

Кроме того, будет сохраняться разрыв между высоким уровнем образования женщин и их низким участием в политике. Это означает недоиспользование человеческого капитала и снижение эффективности развития общества.

В долгосрочной перспективе это может привести к снижению доверия к институтам власти, усилению социального неравенства и росту напряженности. В условиях глобальных вызовов это представляет серьезный риск для устойчивого развития.

Альтернативный сценарий предполагает активное развитие гендерной политики, усиление механизмов квотирования и поддержку женщин-лидеров. В этом случае возможно достижение уровня 30-40% представительства, что соответствует международным рекомендациям и способствует повышению качества управления.

Анализ показывает, что Казахстан находится в промежуточной стадии, когда с одной стороны, существует значительный потенциал участия женщин, с другой - сохраняются системные барьеры. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего институциональные реформы, изменение политической культуры и поддержку женщин в политике.

Список литературы

1. Inter-Parliamentary Union. Women in National Parliaments. 2024. - С. 12-15.
2. European Institute for Gender Equality. Gender Equality Index. 2023. - С. 34.
3. UN Women. Women in Politics 2023. - С. 56.
4. Phillips A. The Politics of Presence. – Oxford, 1995. - С. 78.
5. Закон Республики Казахстан «О выборах». - Астана, 2021. - С.41.
6. Статистический сборник РК. – Астана, 2024. – С. 22.
7. Данные маслихатов РК. – 2024. – С. 19.

8. Агентство по делам государственной службы РК. – 2025. – С. 27.
9. Global Gender Gap Report. – World Economic Forum, 2024. – С.63.
10. OSCE. Gender Equality in Kyrgyzstan. – 2023. – С. 18.
11. UNDP Uzbekistan Report. – 2024. – С. 25.
12. Asian Development Bank. Gender Profile Tajikistan. – 2023. – С.31.
13. UN Women Central Asia Report. – 2024. – С. 44.

ЦИФРЛЫҚ САЯСАТ: ЭЛЕКТРОНДЫ ДАУЫС БЕРУ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІЛЕР

Айдос А.А., Кушенова К.Е.

«Саясаттану» мамандығының 2 курс студенті, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті, Қазақстан
E-mail: kamilakushenova2007@gmail.com

Ғылыми жетекшіі: саясаттану ғылымының магистрі Искаков Е.Р.

Цифрлық саясат – бұл ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалану арқылы саяси басқару, қоғамдық қатысу және билік пен қоғам арасындағы өзара әрекеттестікті жүзеге асыру үдерісі. Ол мемлекеттік шешімдерді қабылдау, сайлау өткізу, қоғамдық пікір қалыптастыру және азаматтардың саяси белсенділігін арттыру сияқты процестердің цифрлық ортада жүзеге асуын қамтиды. Цифрлық саясат ұғымы электронды үкімет, электронды демократия, онлайн қатысу, цифрлық коммуникация және деректерге негізделген басқару механизмдерімен тығыз байланысты. Бұл құбылыс дәстүрлі саяси институттардың қызметін толықтырып қана қоймай, олардың құрылымы мен жұмыс логикасын қайта қарастыруға ықпал етеді.

Саясатты цифрландыру – бұл саяси процестер мен мемлекеттік басқару жүйесінің цифрлық технологиялар мен ақпараттық жүйелерді қолдану арқылы өзгеруі және жаңаруы. Цифрландыру саяси жүйеде тиімділік пен ашықтықты арттыруға, азаматтармен байланысты жақсартуға, сондай-ақ қоғамдық басқарудың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.[1]

Цифрлық трансформация қазіргі заманғы саяси жүйелердің дамуына тікелей ықпал ететін негізгі факторлардың біріне айналды. Ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуы мемлекеттік басқару, сайлау процестері және қоғамдық коммуникация механизмдерін түбегейлі өзгертіп отыр. Осы үдерістің нәтижесінде цифрлық саясат саяси билік пен қоғам арасындағы өзара әрекеттестіктің жаңа формаларын сипаттайтын ғылыми категория ретінде қалыптасты. Ол тек техникалық инновациялар жиынтығы емес, билік легитимділігі, ашықтық, есептілік және қоғамдық сенім деңгейімен өзара байланыста дамитын кешенді саяси феномен болып табылады.

XXI ғасырда демократиялық институттардың тиімділігі олардың цифрлық ортаға бейімделу қабілетіне тәуелді бола бастады. Мемлекеттік қызмет көрсету, қоғамдық талқылаулар ұйымдастыру, сайлау өткізу және азаматтардың саяси қатысу формалары біртіндеп онлайн кеңістікке көшуде. Бұл өзгерістер саяси коммуникацияның жылдамдығын арттырып, азаматтардың шешім қабылдау үдерістеріне қатысу мүмкіндігін кеңейтті. Алайда цифрландыру үдерісі саяси тұрақтылық пен ақпараттық қауіпсіздікке қатысты жаңа тәуекелдерді де қалыптастыруда.

Цифрлық саясаттың маңызды бағыттарының бірі – электронды дауыс беру жүйелері. Бұл технология демократиялық процедураларды жаңғырту, азаматтардың саяси қатысуын жеңілдету және басқару тиімділігін арттыру мүмкіндігімен сипатталады. Электронды дауыс беру уақыт пен ресурсты үнемдеуге, дауыс санау процесін жеделдетуге және шалғай аймақтардағы немесе мүмкіндігі шектеулі азаматтардың сайлауға қатысуын арттыруға ықпал етуі мүмкін. Сонымен қатар, цифрлық сайлау тетіктері ақпараттық қауіпсіздік, деректерді қорғау, дауыс құпиялығы, құқықтық реттеу және техникалық тұрақтылық мәселелерін де алға тартады. Осы тұрғыдан электронды дауыс беру тек технологиялық құрал емес, саяси-құқықтық және институционалдық феномен ретінде қарастырылуы тиіс.

Екінші маңызды бағыт – әлеуметтік желілердің саяси процестердегі рөлі. Қазіргі қоғамда әлеуметтік медиа ақпарат алмасудың ғана емес, саяси пікір қалыптастырудың, мобилизацияның және қоғамдық дискурс жүргізудің негізгі алаңына айналды. Әлеуметтік желілер саяси ақпараттың таралу жылдамдығын бірнеше есе арттырып, дәстүрлі бұқаралық ақпарат құралдарының ықпалын өзгертіп отыр. Сонымен қатар, олар азаматтардың саяси белсенділігін күшейтіп, қоғамдық бастамалар мен азаматтық қозғалыстардың пайда болуына жағдай жасайды. Дегенмен, бұл кеңістікте жалған